

РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-31

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.4-3/32>**Елисеенко А. П.**

Харьковская государственная зооветеринарная академия

Кибенко Л. М.

Харьковская государственная зооветеринарная академия

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РАССКАЗЕ
Б. САДОВСКОГО «ПОГИБШИЙ ПЛОВЕЦ»**

Б. Садовської написав оповідання, присвячене епізоду з життя молодого поета А. Полежаєва, який отримав популярність завдяки саркастичній і провокаційній поемі «Сашко». Поетові наказали з'явитися до Миколи І, де він був допитаний самим імператором. Сучасники вважали, що зустріч з Миколою І змінила життя поета і зробила його відомим. Як покарання за написання поеми А. Полежаєв отримав наказ до вступу на військову службу. Про зустріч поета і Миколи І багато писали на сторінках «Російського архіву». Образ А. Полежаєва мав подвійну природу. З одного боку, він вважався жертвою царського режиму. З іншого боку, багато людей були впевнені, що саме зустріч із царем зробила А. Полежаєва відомим. В оповіданні «Загиблий пловець» Б. Садовської полемізує з М. Огарьовим, який вважав, що царський режим призвів до раптової смерті молодого поета. Чи не випадковим видається звернення письменника саме до віршів А. Полежаєва, зокрема до «Пісні вмираючого плавця»? Саме в сьомій строфі йдеться про ліричного героя, що плаває в крихкому каное бурхливим морем. Він постає жертвою долі й влади. Слід також зазначити, що мемуари Е. Бібікової-Раєвської, які, на наш погляд, лягли в основу оповідання, також були інтерпретовані своєрідно. Е. Бібікова-Раєвська створила романтичний образ поета-жертви царського режиму. Образ поета, створений Б. Садовським, збігається з образом героя поеми «Сашко».

Ключові слова: Російський архів, А. Полежаєв, Б. Садовської, Микола І, романтична література.

Постановка проблеми. Стилизованный рассказ Б. Садовского «Погибший пловец» был впервые опубликован в 1910 году в журнале «Аполлон», затем в сборнике рассказов «Узор чугунный» (1911 год). Полагаем, что заглавие заимствовано из стихотворения А. Полежаева «Песнь погибающего пловца», которое было опубликовано в сборнике поэзии в 1832 году. Рассказ посвящен частному эпизоду из жизни поэта А. Полежаева.

В 1910 году вышла в свет книга статей «Русская Камена», состоящая из историко-литературных очерков, посвященных Г. Державину, А. Полежаеву, В. Бенедиктову, Д. Веневитинову, Я. Полонскому, Д. Давыдову, Л. Мей и А. Фету.

Постановка задания. Целью статьи является рассмотрение интертекстуальных связей в рассказе Б. Садовского «Погибший пловец».

Изложение основного материала. В первой половине XIX века творчество А. Полежаева было

известно современникам лишь фрагментарно. Как писал В. Белинский в пятом номере «Отечественных записок» (1842 год), «стихи Полежаева ходили по рукам в тетрадах, журналисты печатали их без спросу у автора, который был далеко; наконец, они и издавались или за его отсутствием, или без его ведома, на плохой бумаге, неопрятно и грубо, без разбора и без выбора – хорошее вместе с посредственным, прекрасное с дурным» [1, с. 420].

Поэт приобрел широкую известность после роковой встречи с Николаем I в 1826 году. Будучи студентом Московского университета, А. Полежаев написал автобиографическую пьесу «Сашка», в которой, помимо описания разгула студенческой молодежи, подверг критике царский режим, за что был вызван к царю и отправлен солдатом на военную службу. Эта встреча была подробно описана Д. Рябининым в «Русском архиве» (1881 год): «Полежаева позвали в кабинет.

Государь стоял, опершись на бюро, и говорил с министром. Он бросил на вошедшего строгий, испытующий взгляд. В руке у него была тетрадь.

– Ты ли, – спросил он, – сочинил эти стихи?

– Я, – отвечал Полежаев.

– Вот, – продолжал Государь, обратившись к министру, – вот я вам дам образчик университетского воспитания: я вам покажу, чему там учатся молодые люди. Читай эту тетрадь вслух, – прибавил он, снова отнесясь к Полежаеву. <...>

– Что скажете? – спросил Император по окончании чтения. – Я положу это все еще следы... последние остатки... Я их искореню. Какого он поведения?

Министр, разумеется, не знал его поведения; но в нем шевельнулось чувство сострадания, и он сказал: «Превосходнейшего, Ваше Величество».

– Этот отзыв тебя спас, – сказал Государь Полежаеву, – но наказать тебя все-таки надобно, для примера другим. Хочешь в военную службу?

Полежаев молчал.

– Я тебе даю военною службой средство очиститься. Что же, хочешь?

– Я должен повиноваться, – отвечал Полежаев.

Государь подошел к нему, положил руку на плечо и сказал: «От тебя зависит твоя судьба; если я забуду, ты можешь мне писать», и поцеловал его в лоб» [6, с. 338–339].

В «Былом и думах» А. Герцен писал об этой встрече со слов самого поэта. Он был особенно поражен тем, что царь поцеловал Полежаева. А. Герцен отмечал: «Я десять раз заставлял Полежаева повторять рассказ о поцелуе – так он мне казался невероятным. Полежаев клялся, что это правда» [4, с. 398].

Е. Белозерский в статье «К биографии поэта А. И. Полежаева», изданной в 1895 году в журнале «Исторический вестник», приводит воспоминания Е. Дроздовой, близко знавшей Полежаева. По ее словам, поэт якобы осмелился дерзко и грубо говорить с царем. На требование читать тетрадь с пьесой он сказал: «Кто писал, тот читал, ваше императорское величество» [2, с. 403], закрыл тетрадь и отдал ее обратно царю. После аудиенции у царя приближенные говорили А. Полежаеву, что «надо было бы упасть к ногам государя и сказать: «Игра ума, ваше императорское величество». На что поэт ответил: «Что сказано, то сказано» [2, с. 403]. Примечателен тот факт, что именно эта роковая встреча с Николаем I создала амбивалентный образ поэта-страдальца и жертвы.

Многие исследователи сходятся во мнении, что решение царя отдать А. Полежаева в солдаты

было вызвано недавней казнью декабристов. Как писал Д. Рябинин, «то было мрачное время, следовавшее за событиями 14-го декабря, время повсеместных арестов, обысков, ссылок и тому подобных предупредительных или карательных мер, вызывавшихся доносами, исследованиями и подозрениями правительственной власти, встревоженной недавними происшествиями. Следы открытых в них политических замыслов и аналогичного с ними настроения умов неумоимо разыскивались всюду и в особенности среди молодого поколения интеллигентных классов общества, хотя собственно университетские питомцы нигде и ни чем себя не заявили в том движении, которое послужило поводом для этих розысков. Паника овладела, однако, учащимся людом, и каждый старался снять с себя малейшую тень сомнения в благонадежном образе мыслей» [6, с. 336].

Современники ставили под сомнение поэтическое дарование А. Полежаева. В. Белинский считал, что в стихотворениях А. Полежаева не прослеживается развитие и усовершенствование в поэтическом слоге.

Немаловажную роль в судьбе поэта сыграло его происхождение. Он был внебрачным сыном помещика Л. Струйского и дворовой девушки Аграфены Федоровой, которая спустя шесть лет после рождения сына умерла. Мальчик жил в нищете и унижениях в семье младшей сестры матери Анны. Его воспитание было поручено дворовому лакею, о чем красноречиво упомянуто в поэме «Сашка»:

«Пропустим также, что родитель

Его до крайности любил,

И первый Сашеньки учитель

Лакей из дворни его был.

Пропустим, что сей ментор славный

Был и в французском Соломон,

И что дитя узнал исправно

Весь сквернословья лексикон.

Пропустим, что на балалайке

В шесть лет он «барыню» играл

И что в ругне, да в бабках, в свайке

Он кучерам не уступал» [7, с. 318].

В 1816 году Л. Струйский поместил сына в пансион Визара при Московской губернской гимназии. Через несколько лет А. Полежаев смог поступить вольнослушателем в Московский университет, где учился на словесном отделении.

Именно происхождение и свободолюбие, по мнению Н. Огарева, подтолкнули А. Полежаева к написанию «Сашки». В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия»,

изданном в Лондоне в 1861 году, он писал: «Мир русского невежественного барства, русского помещичества, выпустил в свет горячего юношу с сильным поэтическим талантом, который мог развиваться только под условием – забыть, отвергнуть среду, из которой он вышел; но с детства усвоенная привычка необузданности и рука Николая – дикого каменного гостя, настигнувшего дикого Дон Жуана, – не допустила могучий талант до отрицания этой среды в жизни, а, следовательно, и в поэзии. <...> Полежаев заканчивает в поэзии первую неудавшуюся битву свободы с самодержавием» [5, с. 445]. Цитированный выше фрагмент был опубликован и в статье Д. Рябина в «Русском архиве» (1881 год) [7, с. 314], однако со значительной цензурной правкой (выпущены все упоминания о Николае I).

С большой вероятностью можем предположить, что процитированные нами источники о жизни и творчестве А. Полежаева были хорошо известны Б. Садовскому. В его рассказе упоминаются несчастное детство поэта, чувство обиды, связанное с происхождением, и, как результат, утрированное желание доказать свое право на свободу в определении жизненных приоритетов и во взглядах. Роковая встреча с царем как причина злополучной судьбы героя также выводится на первый план в рассказе. Однако основная сюжетная линия основана на воспоминаниях Екатерины Бибиковой (в замужестве Раевской), которая в 1882 году опубликовала статью под названием «Встреча с Полежаевым» во втором номере «Русского архива» под псевдонимом «Старушка из степи».

Из ее воспоминаний известно, что в 1834 году И. Бибиков пригласил А. Полежаева в село Ильинское, где в загородном дворце графа А. Остермана, их родственника, гостила его семья. От отца девушка узнала о «судьбе Полежаева; как за поэму его «Сашка» он, бывши студентом, схвачен был и приведен в кабинет государя Николая Павловича; как тот заставил его вслух читать поэму, а он неудобные для чтения места экспромтом заменял другими стихами; как царь, заподозрив подлог, вырвал у него из рук тетрадь и убедился в справедливости своей догадки. Николай, – писала Е. Бибикова-Раевская, – никогда не прощал тому, кто дерзал его обманывать» [3, с. 407].

А. Версовин отмечает, что именно И. Бибиков, занимая должность жандармского полковника, написал донос на Московский университет и в качестве примера распространения «крамолы» привел поэму А. Полежаева «Сашка». Необходимо отметить, что ни в книге А. Герцена, ни в статьях и воспоминаниях В. Белинского, Н. Огарева,

Н. Добролюбова, К. Макарова, А. Григорьева имя И. Бибикова и его участие не упоминается. В воспоминаниях его дочери также нет подобных сведений. Е. Бибикова-Раевская утверждает, что отец привез Полежаева для того, чтобы он обучал ее старшего брата ружейным приемам «ввиду подготовки к юнкерской школе» [3, с. 407]. А. Версовин полагает, что И. Бибиков чувствовал вину за донос и, чтобы хоть как-то помочь молодому поэту, добился разрешения у графа А. Бенкендорфа пригласить А. Полежаева на две недели в гости под свою ответственность.

Многие фрагменты рассказа Б. Садовского заимствованы из воспоминаний Екатерины Бибиковой-Раевской: действие происходит в селе Ильинское в 1834 году, главную героиню, шестнадцатилетнюю девушку, зовут Кити, весть о солдате, приехавшем в гости, приносит младший брат Поль, отец Иван Сергеич знакомит ее с поэтом А. Полежаевым.

Е. Бибикова-Раевская писала: «Во время прогулок братья ни на шаг не отходили от Полежаева. Мы все жадно прислушивались к его рассказам. Он говорил о Кавказе, о набегах чеченцев, о своих походах, о том, как он с товарищами-солдатами на плечах перетаскивал через горы тяжелые орудия, пушки, а между тем направленные на них из-за скал меткие пули черкесов наверняка выбирали свои жертвы. Он рассказывал просто, без хвастовства, без напыщенности, не бил на эффект, и каждое слово дышало правдой и умом. А между строк сколько слышалось невысказанных страданий, лишений, горя... Это было в 1834-м году» [3, с. 410].

А. Полежаев в рассказе Б. Садовского также говорит о кавказских походах, «домашние им не нахвалятся: всем он полюбился, со всеми он ласков и дружелюбен <...> но всех дружнее с поэтом барышня, Екатерина Ивановна» [8, с. 221].

Кити в рассказе Б. Садовского влюбляется в Полежаева, мечтает о замужестве, о счастливом браке. Ее наивную душу переполняет чувство жалости и сострадания к несчастному поэту, вынужденному служить в армии. Она ничего не знает о прошлом молодого человека и горько страдает, когда случайно подслушивает разговор с дворовым. Поэт, охмелев, рассказывает о том, как царь отдал его в солдаты и о его отношении к Кити:

«– Стало быть, нашлась какая ни есть анафема и предала, значит, вас, Александр Иваныч?

– То-то, да. Ну, так слушай дальше... Только сперва надо горло промочить...

– В один секунд! Пашка! Садовник! Заснул? Стаканчик Александр Иванычу!

– Ничего, хорошо и так... Давай сюда полштоф... Все едино... А теперь хлебцем... Так. Ну, вот, положил он мне руку на плечо и говорит: иди в солдаты, там себе прощенье заслужишь. Прощенье... какого черта? Девятый год ремнем мозоли натираю, а где оно, прощенье-то? Ну, да что! Дай-ка сюда... Эх!

– Не обессудьте уж на закуске-то, Александр Иванович. Какая есть.

– Ладно... На Кавказе посолишь, бывало, себе язык, вот и закуса... А что-то мне спать хочется...

– Выпили маненечко, оно и клонит... А только мы так смекаем, Александр Иванович, что вы недолго теперь под ружьем помаетесь, а, гляди, еще к нам в господу произойдете. С барышней-то нашей вы, как есть, пара...

– Что ты говоришь? А, барышня! Хо-хо! Видали мы... Мало в ней мозгу. Я, брат, с бабьем не люблю возжаться. Побаловать можно бы и с ней, да не стоит: худа больно... Я грудастых люблю... Эх, в Москве у нас, на Драчевке, была одна! <...>

В акациях до утра провалялся Александр Иванович. Насилу Пашка-садовник растолкал его» [8, с. 223].

Сюжетобразующим представляется нам следующий фрагмент:

«– Нет, Екатерина Ивановна, не говорите так; я не человек. Я *живой мертвец*, несчастная жертва рока. Жизнь вздымала на меня грозные бури, била меня в грудь волнами лютых бедствий. *Погибающий пловец*, я ношусь по океану бытия в *утлом челноке*. В детстве не знал я ни ласки, ни забот; несчастный отец мой, может быть, и любил меня, но лучше бы мне вовсе не родиться. Затем бесприютная юность, которую я сам загубил, предавшись пылким страстям природы; наконец, последний жестокий удар безжалостной судьбы. Я – *вечный раб*. Все надежды, все мечты мои погребла навеки серая шинель.

На узорчатых ресницах Кити блеснули слезы.

– Александр Иванович, зачем предаетесь вы таким ужасным мыслям? У вас талант.

Горькая усмешка шевельнула пушистые усы.

– Что талант, ежели жизнь моя безотраднa? Где я найду сердце, которое поймет меня? Кому я нужен?

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире

Одинок,
Как челнок,
Уз любви

Я не знал, жаждой крови
Не сгорал» [8, с. 221–222].

Упоминания о «погибающем пловце» и «живом мертвце» не случайны. Герой Б. Садовского цитирует седьмую строфу из стихотворения А. Полежаева «Песнь погибающего пловца». Лирический герой тонет в утлом челноке в пучине моря. Примечателен также тот факт, что у А. Полежаева пловец «погибающий», то есть еще живой, у Б. Садовского – уже «погибший». В девятой строфе этого стихотворения есть следующие строки:

«Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть наступит
С вечной мглой –
И погибнет

Труп живой!..» [8, с. 59].

Именно как о «живом трупе» писали о А. Полежаеве многие критики. В. Белинский писал: «Душа поэта пережила его тело и, *живой труп*, он умирал медленной смертью, томимый уже бесплодными желаниями... Страшное состояние! Как понятны после этого стихи Полежаева:

«Ах, как ужасно быть живым,
Полуразрушась над могилой!..»» [1].

М. Лозинский, единственный близкий друг А. Полежаева, который всегда поддерживал поэта и настаивал на необходимости продолжать писать стихи, вспоминал, что в 1836 году А. Полежаев «представлял из себя *живой труп*, ежеминутно ожидавший окончательного разрушения. Встретив любящую девушку, блеснувшую ярким метеором в его безотрадной жизни, поэт естественно должен был или обновиться и почувствовать себя бодрым и переродившимся под влиянием любви, или не вынести этого чувства и упасть еще ниже, дойдя до исходной точки человеческих страданий. Но натура его была уже так сломана и убита жизнью, что он не вынес светлого и сильного проблеска, потрясшего его до глубины души, – и погиб».

У А. Полежаева есть также стихотворение «Живой мертвец», в котором «образ мертвца» стоит «при дверях гроба» [8, с. 63] в ожидании Суда. Не случайным кажется и расположение его стихотворений в сборнике: «Песнь погибающего пловца», «Ожесточенный», «Осужденный», «Живой мертвец», «Провидение», как «места и главы жизни целой». Несколько раз в «Провидении» повторяются строки:

«Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..» [8, с. 64].

Обращение Б. Садовского к образу «живого трупа» вводит рассказ в парадигму романтической традиции 1820–1840 годов. Вспомним одноименное произведение Л. Толстого, повести А. Пушки-

кина «Гробовщик», «Пиковая дама», Н. Гоголя «Вий», «Страшная месть».

Таким образом, стилизованный рассказ «Погибший пловец» свидетельствует об особом интересе автора к поэтам предшествующей эпохи. Писатель ставит под сомнение возможность изменить взрослого человека, «поместив» его в благоприятную среду и окружив любовью и заботой (дворянская семья Бибиковых). А. Полежаев у Б. Садовского двуличен: он умеет понравиться окружающим, обладает харизмой, но в то же время способен обмануть. В данном случае автор рассказа вторит В. Белинскому, который писал относительно стихотворения А. Полежаева «Черные глаза»: «И что ж? Свершилось ли возрождение – этот великий акт любви? И святая власть женственного существа победила ожесточенную мужскую твердость? – Нет! Поэт не воскрес, а только пошевелился в гробе своего отчаяния; <...> и как ничего положительного не могло выйти из нового состояния души поэта, так ничего не вышло и из стихотворения, в котором он силился его выразить» [1, с. 430].

Б. Садовской также полемизирует с Н. Огаревым, который считает, что помещичий уклад и царский режим привели к скорострительной смерти молодого поэта. Известно, что Б. Садовской принадлежал к дворянскому роду, всегда придерживался монархических взглядов и никогда этого не скрывал, что приводило к отчуждению в литературных кругах. Именно эпоху правления Николай I Садовской считал наиболее значимой в судьбе России.

Выводы. Представляется не случайным обращение писателя к стихотворениям А. Полежаева, в частности к «Песни погибающего пловца». В седьмой строфе описывается лирический герой в утлом челноке в бушующем море. Он предстает как жертва судьбы и власти. Необходимо отметить также, что воспоминания Е. Бибиковой-Раевской, которые, по нашему мнению, легли в основу рассказа, также были осмыслены своеобразно. У Е. Бибиковой-Раевской создан романтический образ поэта-страдальца, жертвы царского режима. У Б. Садовского образ А. Полежаева совпадает с образом героя поэмы «Сашка».

Список литературы:

1. Белинский В. Стихотворения Полежаева. Москва : Правда, 1990. С. 418–443.
2. Белозерский Е. К биографии поэта А. И. Полежаева. Москва : Правда, 1990. С. 401–404.
3. Бибикова-Раевская Е. Встреча с Полежаевым. Москва : Правда, 1990. С. 405–413.
4. Герцен А. А. Полежаев. Москва : Правда, 1990. С. 397–400.
5. Огарев Н. Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». Москва : Правда, 1990. С. 444–446.
6. Полежаев А. Сашка. Москва : Правда, 1990. С. 173–196.
7. Рябинин Д. Александр Полежаев (1807–1838). Биографический очерк. *Русский архив*. 1881 № 2. С. 314–365.
8. Садовской Б. Лебединые клики. Москва : Советский писатель, 1990. 480 с.

Yeliseienko A. P., Kibenko L. M. INTERTEXTUAL LINKS IN THE STORY BY B. SADOVSKOY “DEAD SWIMMER”

B. Sadovskoy wrote a story dedicated to the episode from the life of a young poet A. Polezhaev, who became prominent due to sarcastic and provocative poem “Sashka”. The poet was ordered to come to Nicolai I and was questioned by the emperor himself. Contemporaries believed that the meeting with Nikolai I changed the life of the poet and made him famous. A. Polezhaev had to endure military service because of his poem. Serving in the army he was invited by the commander to spend a holiday together in the commander’s country house, where he fell in love with the commander’s daughter. This episode was described on the pages of Russian Archive. The image of A. Polezhaev had a dual nature and he was considered a victim of the tsarist regime. Sudden death of a young poet divided literary circles into two groups. There were people who supposed that Nikolai I tried to change the character of the poet, taking into account his talent. On the other hand, some contemporaries believed that A. Polezhaev was not talented at all. B. Sadovskoy polemicizes with N. Ogarev, who stated that the tsarist regime led to the sudden death of the young poet. It seems not accidental that the writer turned to the poems by A. Polezhaev, in particular, to the Song of a Dying Swimmer. The seventh stanza describes a lyrical hero in a fragile canoe in a stormy sea. He appears as a victim of fate and power. It should be also mentioned that in A. Polezhaev’s poem, the swimmer is dying, thus the process is emphasized. In B. Sadovskoy’s story the swimmer is already dead. It should also be noted that the memoirs of E. Bibikova-Raevskaya, which, in our opinion, formed the basis of the story were also interpreted in an original way. E. Bibikova-Raevskaya created a romantic image of a poet-sufferer, a victim of the tsarist regime. B. Sadovskoy’s image of Polezhaev coincides with the image of the hero from the poem “Sashka”.

Key words: Russian achievers, A. Polezhaev, B. Sadovskoy, Nicolai I, romantic literature.